

Алексей ПОПОВ

Великая школа

Было непонятно, как мог уцелеть этот одинокий сарай. Рядом — сожжённая деревня; сосны без крошечных, оравших снарядами и минами, сиротливо поднимали вверх свои обожжённые стволы. А вопреки этому хаосу войны упрямо и одиноко стоял этот целый и невредимый, простой деревенский сарай. Было странно видеть это мирное строение, освещённое ярким зимним солнцем, на поляне, сплошь испещрённой множеством больших чёрных пятен на ослепительно белом снегу — следы разрывов мин, которыми густо посыпала немцы этот участок. Царила тишина, и казалось, что война, пройдя здесь огненным смерчем, удалась куда-то далеко, а мы осматриваем следы давних боёв.

Представитель политотдела вернул нас к действительности, когда предложил одному и быстро перебежать расстояние, отделившее опушку леса от цели нашего путешествия. Войдя в сарай, мы были приятно удивлены чистотой этого своеобразного зрительного зала, любовно украшенного хвоей. Нам хорошо было известно, что путь к лесу за хвоей довольно часто и основательно простреливался немцами.

Начался очередной концерт одной из бригад Центрального театра Красной Армии. Зрители в белых халатах, пришедшие непосредственно с огневых позиций, с непередаваемой жадностью впитывали в себя всё идущее с импровизированной сцены. Стоящий в углу связан с телефонным аппаратом, время от времени получая какие-то сведения с наблюдательных пунктов, поднимал трубку и через нее давал возможность своим товарищам, хотя бы урывками, по телефону послушать происходящее в сарае.

Сидя вместе с бойцами, невольно замечаешь, что их восприятие концерта передебётся тебе, начинаешь вместе с ними непосредственно и живо реагировать на происходящее на «сцене», хотя видел это уже не один раз и многое знаешь. Дальше замечаешь, что зрители необычайно единодушно принимают номера программы, несмотря на то что все они — люди разных профессий в прошлом, с различным уровнем культуры и образования, с различными вкусами. Начинаешь явно ощущать, что их восприятие основано не на простом

потребности в зрелище. — нет, оно имеет какие-то иные, принципиальные обоснования. Проверив это на ряде концертов, разговаривая об этом с различными людьми, проживавшая иногда ночами у фронтовой пехки — трофейной немецкой бочки неподобная, понимаешь, что здесь, на фронте, в этой суровой и мужественной школе жизни, рождаются новые эстетические воззрения и принципы. Здесь наглядно познаешь те требования, которые народ предъявляет к искусству, и незаметно для себя начинаешь пересматривать многие свои взгляды.

Для того чтобы это понять, нужно прежде всего видеть и знать, нужно жить среди тех, кто делает историю, кто записывает будущее нашей страны. Вот почему для Центрального театра Красной Армии непреложной стала задача — дать возможность как можно большему количеству творческих работников театра побывать на фронте, жить и учиться в этой своеобразной школе жизни. Две трети нашего состава были участниками фронтовых бригад театра, причём они не ограничивались обслуживанием частей, стоящих во втором и третьем эшелонах, а обслуживали соединения, роты, находящиеся непосредственно на линии огня.

Основная группа театра вот уже больше года работает в Свердловске, на Урале, в этой гигантской оружейной мастерской нашей страны. Когда видишь, как на огромном пустыре в декабрьский уральский мороз, за три-четыре недели вырастают новые корпуса, из ворот которых выезжают проворные танкетки и могучие танки; когда актёры театра бывают на заводах и видят людей, не уходящих от станков, из дехов по несколько суток, чтобы выполнить срочный фронтовой заказ; когда живёшь в атмосфере того могучего подвига, которым охвачена в годы войны советская Урал, то начинаешь сам работать, равняясь на окружающих.

Может быть, в этом кроется объяснение того факта, что наш коллектив за год работы, выделив из своей среды в разное время 11 фронтовых бригад, не только возобновил весь старый репертуар (причём целый ряд старых спектаклей пришлось решать заново), но и выпустил

шесть новых спектаклей: «На всякого мудреца довольно простота», «Дым отечества», «Коварство и любовь», «Олеко Дундич», «Давным-давно» и «Фронт». Изменился ритм нашей работы, труд наш стал более напряжённым, и в итоге мы смогли за этот год сделать больше, чем мы делали за любой, самый продуктивный год существования театра.

Множеством нитей связан наш театр с фронтом. Ежедневно почта приносит нам письма со штабами различных П.И. Пишут в адрес театра, пишут отдельным актёрам, многие из нас ведут интенсивную переписку со своими фронтовыми друзьями. Каждая весточка «оттуда» приносит нам радость, заставляет вновь ощутить пережитое на фронте и настоятельно требует ещё лучше выполнить свой долг, долг художников советской страны. Очевидно, так же тепло встречаются и наши письма на фронте.

Из одного танкового подразделения нам пишут: «Когда мы получили ваши письма, собрались все вместе и коллективно прочитали их. Всем нам казалось, что эти весточки мы получили от своих родных».

Полковник Олешев пишет: «Привет вам, мои родные боевые товарищи! В районе огневых позиций, в блиндажах вы воодушевляли наших бойцов и командиров на грядущие и суровые бои». Знает ли полковник Олешев, знают ли все товарищи, какое огромное влияние оказали они на коллектив театра и на его творческую работу?

В один из дней к нам в театр явился один полковник и, отрекомендовавшись, сказал, что он считает своим долгом узнать, не нужна ли театру его помощь в осуществлении пьесы «Фронт». Затем к нам стали обращаться с тем же целым ряд командиров и бойцов. Мы получали письма с различного рода советами, мы слышали различного рода предложения и толкования тех или иных сцен пьесы.

Более того, нам принесли и прислали тщательно сделанные схемы операций, предлагаемых Огневым и Горловым. Нашей работой пристально интересовался и помогал Военный совет округа. Мы получили письма от товарищей, с которыми встречались на фронте.

Во всём этом было одно общее и принципиально очень важное. За всем этим

была большая заинтересованность в правдивости постановки пьесы нашим театром, было ревнивое отношение к своему театру, было желание помочь и боязнь, чтобы театр не смягчит или не перегрубит пьесу, а смог бы прежде всего честно и правдиво раскрыть её.

Для себя мы решили, что ключ к пьесе А. Корнейчука лежит в реалистическом раскрытии её и что неверно будет становиться на путь условно-театрального решения, несмотря на толкующую к этому некую публицистичность пьесы. Так же отвергли мы путь театрального обострения, или путь психологизации. Нам очень приятно слышать мнение зрителей, что у нас подкупает их прежде всего атмосфера, что у нас они узнают людей, с которыми они сталкиваются в работе, в частях, на фронте. Очевидно, критики и специалисты завкуса подробным сравнительным разбором спектаклей «Фронт». Нам прежде всего хочется отметить, что в этом спектакле мы старались максимально реализовать впечатление, накопленные коллективом за время войны. Сколь нам это удалось, судить самим трудно, но хочется думать, что поставленная перед собой задачу в принципе мы решили верно.

С самого начала работы над спектаклем мы чувствуем зоркий глаз, ощущаем чуткое ухо нашего будущего зрителя, а мы хорошо знаем, что этот зритель прежде всего не прощает фальши и неискренности.

Вот этот своеобразный творческий контакт — черта новых, будущих взаимоотношений зрителя с театром. Это то, что сегодня гарантирует настоящий органический рост советского театра.

Видя более интересное будущее ждёт наше искусство, когда возвратились после победы к мирному труду целые поколения людей, прошедших школу войны, предъявят нам свои эстетические требования. Как чутко ухо этих людей ко всякой фальши, как резко реагируют они на всякое проявление неискренности, как ревниво относятся к достоинству своего народа! Так складывались новые принципы непрерывно развивающегося большого советского искусства, и горе тому художнику, который не поймёт этих происходящих сдвигов, будет жить пролетками от старого капитала.